

Я. Н. Рабинович

**«ПРОПАВШЕЕ ПОСОЛЬСТВО»
(Новгородское посольство игумена Дионисия 1613 года
в Москву и судьба его участников) ***

В августе 1613 г. из Новгорода в Москву было отправлено посольство игумена Отенского монастыря Дионисия. Сведения об этом посольстве чрезвычайно скудны и запутанны. А. Ф. Малиновский, редактор тома СГГД, в котором опубликован отрывок из наказа новгородцев игумену Дионисию, считал, что отъезд посольства к князю Д. М. Пожарскому состоялся в конце лета 1612 г. Однако еще Н. Н. Бантыш-Каменский (ближайшим помощником которого в Московском главном архиве Коллегии иностранных дел был А. М. Малиновский), в начале XIX в. указал другую, верную дату отправки данного посольства – август 1613 г., но его труд был опубликован лишь в 1902 г. Историк привел также сведения о составе посольства Дионисия¹.

Впервые рукопись Н. Н. Бантыш-Каменского использовал Н. П. Лыжин (1857) с ошибками в именах участников посольства («Елизар Коренков» вместо «Корсаков», «Михайло Кукольник» вместо «Куколкин»). Отрывочные сведения о неких новгородских

* Статья подготовлена по результатам научно-исследовательских работ, реализованных в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.: проект «Русский фронт XVI–XIX вв.: Северо-Запад и Юг Российского государства (сравнительный аспект)»; № государственного соглашения 14.В 37.21.0009.

¹ Наказ митрополита Исидора, кн. И. Н. Одоевского игумену Дионисию, В. Новокшенову, И. Лутохину, И. Секерину. 1613, август // СГГД. СПб., 1819. Т. 2, № 284. С. 601–603; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1902. Т. 4: (Пруссия, Франция, Швеция). С. 145.

боярах, задержанных в Торжке, привел Г. В. Форстен. Более подробно об этих переговорах писал в своей книге (1913) Г. А. Замятин, который широко использовал кроме опубликованных источников документы из архива МИД, труды Г. В. Форстена и шведских историков².

В советское время В. А. Фигаровский (1937) отмечал, что в августе 1613 г. в Москву было отправлено посольство Дионисия в целях агитации за шведского королевича Карла Филиппа. Задержка в Москве этих новгородских посланников и оставление без ответа их грамот ясно показали новгородцам, что их принимают за изменников. В. А. Фигаровский в своем труде основное внимание уделил другим сюжетам (переговорам в Москве в 1615 г. арх. Киприана), поэтому больше ничего о посольстве Дионисия он не сообщал. При этом историк использовал те же источники, что и Г. А. Замятин, даже опубликовал одну из грамот в качестве приложения к своей статье³.

Современный исследователь Е. И. Кобзарева в своей монографии много внимания уделила посольству Дионисия в Москву, используя документы РГАДА и Стокгольмского архива⁴.

К сожалению, никто из исследователей не проследил дальнейшую судьбу участников этого посольства.

Отправке данного посольства предшествовали следующие обстоятельства. В июне 1611 г. польский король Сигизмунд взял Смоленск, а Подмосковное ополчение Прокопия Ляпунова потерпело неудачу при попытке освобождения столицы от поляков. В это же время отряды гетмана Сапеги подошли к Москве. Учитывая данные обстоятельства, Прокопий Ляпунов, надеясь на шведскую помощь в борьбе с поляками, отправил в Новгород, возле которого находились шведские войска Якова Делагарди, специальные инструкции для переговоров со шведами. Главными пунктами этих инструкций были: согласие Москвы на избрание шведского королевича москов-

² Лыжин Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. С приложением актов. СПб., 1857. С. 10–11; Форстен Г. В. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Вып. 10. С. 197; Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1601–1616). Юрьев, 1913. С. 99–101; См. также: РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615. Д. 2.

³ Фигаровский В. А. О грамоте новгородского правительства в Москву 1615 г. // НИС. Л., 1937. Вып. 2. С. 53–72; Грамота новгородского митрополита Исидора и боярина Одоевского / Публ. В. А. Фигаровский // НИС. Л., 1937. Вып. 2. С. 73–82.

⁴ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 275–278.

ским царем, уступка шведам Ладоги и Орешка, прибытие войск Делагарди на помощь Ляпунову под Москву⁵.

Вопрос о кандидатуре шведского принца решался в июне 1611 г. под Москвой в жарких спорах. Дворяне-ополченцы и сам Ляпунов были за шведского королевича, казаки Заруцкого выступали против, о мнении Трубецкого по данному вопросу сказать трудно. В итоге все же победил Ляпунов. 23 июня был принят Приговор ополчения об избрании шведского королевича московским царем. Первым из исследователей на этот приговор обратил внимание В. Н. Татищев⁶.

Новгородцы не собирались выполнять московские условия и отдавать шведам свои пригороды, Ладогу и Орешек. Шведский кандидат на московский престол также не пользовался особой популярностью в Новгороде. Эта «партия шведского королевича – русского царя» была первоначально довольно слабой. Она возникла, как отмечал В. Н. Татищев, вскоре после свержения Василия Шуйского среди части москвичей⁷, ее поддержали дворяне Подмосковского ополчения, а затем кандидатура заморского принца нашла некоторых сторонников в Новгороде. По мнению Е. И. Кобзаревой, партия шведского королевича в Новгороде все же была довольно значительной – в нее входили гости и многие дворяне⁸. Шведский военачальник Якоб Делагарди, со своей стороны, не собирался воевать за московские интересы далеко в глубине России. Он для вида торговался с новгородцами, готовясь к захвату города.

В ночь на 16 июля шведы захватили Новгород. Уже 25 июля 1611 г. был заключен договор между новгородцами и Делагарди⁹. Новгородцы при этом действовали в соответствии с Приговором Подмосковского ополчения Ляпунова от 23 июня. Главное условие договора – чтобы по просьбе новгородцев был прислан в Россию один из сыновей Карла IX, новгородцы целовали королевичу крест и гарантировали его избрание на русский трон. Сразу же в Москву к Ляпунову обратились с просьбой прислать посольство для отправки в Швецию.

⁵ Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова; Под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 199–202. (Памятники исторической мысли). *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 7–20.

⁶ Татищев В. Н. История Российская: В семи томах. Л., 1966. Т. 6. С. 353.

⁷ Там же. С. 342.

⁸ См.: Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода... С. 134–161.

⁹ Договор Новгородского государства с шведским военачальником Делагарди // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5, № 1. С. 3–11; См. также: Коваленко Г. М. К вопросу о датировке договора Новгорода со Швецией 1611 г. // Актуальные проблемы исторической науки. Новгород, 1985. С. 31–32.

Таким образом, в июле 1611 г. Новгород пал жертвой переговоров Подмоскownого ополчения Прокопия Ляпунова со шведами.

Когда новгородские послы прибыли под Москву (середина августа 1611 г.), власть в ополчении после гибели Ляпунова уже принадлежала атаману Заруцкому и казакам, которые не желали и слышать о шведском королевиче. Так и не дождавшись прибытия москвичей, новгородцы в начале января 1612 г. отправили свое посольство в Стокгольм. В Новом летописце записано: «Новгородцы ж послаша в Свию для королевича послов: Юрьевского архимандрита Никандра и изо всех чинов лутчих людей». Сохранился Приговор этому посольству от 25 декабря 1611 г., известны лица, подписавшие данный приговор¹⁰.

По разным причинам (смерть короля Карла IX, нежелание нового короля Густава Адольфа отпускать брата в Россию и т. д.) это посольство более года оставалось в Стокгольме. Лишь в июне 1613 г. оно отправилось обратно, сопровождая шведского королевича Карла Филиппа в Выборг. К этому времени в Москве уже более месяца находился новый царь Михаил Романов, избранный на Земском соборе 21 февраля 1613 г. (он прибыл в Москву 2 мая)¹¹.

Новгородцы узнали об отправке принца Карла Филиппа из Стокгольма в Выборг от гонцов. Еще 16 июля 1613 г. в Новгороде была получена грамота короля Густава Адольфа с требованием, чтобы русские послы немедленно приехали в Выборг для встречи принца¹². Через неделю, 23 июля, уже из Выборга прибыли в Новгород Елизарий Корсаков и Лука Боранов, которые сопроводили королевича из Стокгольма¹³. Они привезли письмо арх. Никандра, в котором сообщалось, что королевич уже 8 июля приехал в Выборг. Туда сразу же был отправлен из Новгорода князь Кузьма Мышецкий, который при встрече рассказал о радости новгородцев по поводу благополучного прибытия принца: «молебны пели со звоном по три дни у соборной церкви Софии»¹⁴.

От Кузьмы Мышецкого принц и сопровождавшие его лица с тревогой узнали, что в состав посольства, которое уже было готово

¹⁰ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. Гл. 274. С. 113–114; Приговор новгородских митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Одоевского и земских чинов об отправке в Стокгольм Юрьевского архимандрита Никандра... 1611, дек. 25 // ДАИ. Т. 1, № 162. С. 283–285.

¹¹ Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 42, 46.

¹² Грамота шведского короля Густава Адольфа новгородским чинам. 1613, июня 12 // ДАИ. Т. 2, № 3. С. 4–5 (гонец – Евсей Резанов).

¹³ СГГД. Т. 2, № 284. С. 602: «Пригнали в Новгород из числа посланных дворян Обонежские пятины Елизарей Корсаков, да толмач Лука Боранов».

¹⁴ Грамота шведского принца Карла Филиппа...1613, августа 7 // ДАИ. Т. 2, № 5. С. 8–10.

к отправке из Новгорода в Выборг, вошли только новгородцы; москвичей в составе этого посольства нет. 27 июля 1613 г. в Новгороде был составлен приговор об отправке посольства в Выборг. Возглавлял это посольство арх. Киприан. Кроме москвичей в составе этого посольства не было также дворян Бежецкой пятины¹⁵.

Послы во главе с арх. Киприаном должны были просить королевича, чтобы он защитил их от всех врагов и «стал государем Новгородского государства»¹⁶. Новгородцы звали королевича лишь на одно Новгородское государство; здесь мы не встретим добавления «также, буде похотят, на Владимирское и на Московское государства». В Новгороде к этому времени уже знали об избрании Михаила Романова. Если секретные сведения, которые в апреле 1613 г. Яков Деллагарди получил от разных лазутчиков, могли еще быть неизвестны новгородцам, то после прибытия из Москвы в Новгород слуги Федора Боборыкина (16 июля) эту информацию уже невозможно было скрыть¹⁷.

6 августа в Новгород приехал новый гонец из Выборга, Курап Мякинин. Он передал новгородцам указание арх. Никандра и дьяка Третьяка Копнина: принц ожидает прибытия в Выборг послов не только из Новгорода, но и из Москвы: «от Ноугородцакаго Государства, также от Владимирского и Московского Государства послов, его пресветлейшеству на встречу»¹⁸.

7 августа 1613 г. Карл Филипп написал в Новгород новую грамоту о скорейшей отправке в Выборг уполномоченных от всего Русского государства. Принц выражал свое недовольство тем, что целый месяц ждет в Выборге послов из Новгорода и Москвы, которые должны были встретить его. Далее принц писал, что сам спросит новгородских послов о причине их задержки. Он также давал указание новгородским властям «радети и промышляти, чтоб всего Московского государства полномочные послы к нам шли вскоре». В конце письма принц сообщал, что отказывается ехать из Выборга в Новгород, пока туда не придут послы от всего Российского государства, т. е. из Москвы. Эту грамоту привез в Новгород 20 августа Степан Теглев¹⁹.

В Новгороде еще 6 августа от гонца Курапа Мякинина узнали, что принц в Выборге ждет москвичей. По мнению Е. И. Кобзаревой, в этот же день (6 августа) был составлен наказ послам, отправляе-

¹⁵ Приговор митрополита Исидора, кн. И. Н. Большого Одоевского, земских чинов. 1613, июля 27 // ДАИ. Т. 2, № 4. С. 5–8.

¹⁶ ДАИ. Т. 2, № 4. С. 7.

¹⁷ Приложение к листу Деллагарди от 3 августа 1613 г. // Сб. НОЛД. Вып. 5, № 6. С. 22–24.

¹⁸ СГГД. Т. 2, № 284. С. 602.

¹⁹ ДАИ. Т. 2, № 5. С. 10.

мым в Москву. Наказ составлялся под контролем шведского военачальника Якоба Делагарди. Новгородцы обращались к «московским сословиям», т. е. игнорируя царя Михаила Романова, с предложением возвести на русский престол Карла Филиппа. В состав данного посольства вошли «Отенского монастыря игумен Дионисий да дворяне Воин Новокшенов, да Петр Лутохин, да Иван Секерин»²⁰.

Если об игумене Дионисии сведений в источниках почти не сохранилось, то дворяне Воин Афанасьевич Новокшенов, Петр Семенович Лутохин и Иван Борисович Секирин – личности довольно известные. **Петр Лутохин** был сыном новгородского дворцового дьяка Семена Лутохина. Он являлся помещиком Обонежской пятины, но одно время имел также поместья в Деревской пятине. В декабре 1611 г. Петр Лутохин подписался под приговором об отправке посольства Никандра в Стокгольм. В марте 1613 г. во время войскового смотра он вместе с 11 другими помещиками Обонежской пятины был оставлен в Новгороде, в то время как большинство помещиков Шелонской и Бежецкой пятин были записаны в поход вместе с князем Ф. Т. Черново-Оболенским. Подпись Петра Лутохина имеется в приговоре об отправке арх. Киприана в Выборг в июле 1613 г.²¹

Воин Новокшенов, помещик Водской пятины, начал службу еще при царе Федоре Иоанновиче, он указан в боярском списке 1588/89 г. как «выведенец из Новгорода», а также в списке дворовых начала XVII в. в числе «детей боярских без городов»²². Участник событий 1605 г. в Москве²³, Воин Новокшенов в числе других дворян Водской пятины был отпущен из Москвы в Новгород весной 1610 г. после освобождения столицы князем М. В. Скопиным-Шуйским от тушинской блокады. В июне 1610 г. он воевал под Ямом против тушинцев в составе отряда князя Ивана Михайловича Кропоткина (Ям и Ивангород продолжали поддерживать Лжедмитрия II)²⁴. В марте 1611 г. Воин Новокшенов был приставом при конфискации имущества изменника боярина Ивана Салтыкова, а в ап-

²⁰ СГГД. Т. 2, № 284. С. 601–603; *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 276.

²¹ Дачные книги Деревской пятины. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1: 38. С. 7–8; ДАИ. Т. 1, № 162. С. 285; ДАИ. Т. 2, № 4. С. 8; Роспись новгородского войска. 1613, март // RA, NOA. Serie 2: 170–В.

²² *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России в XVI–XVII веках. М., 2004. С. 152, 168, 248, 362.

²³ См: Десятня Водской пятины 1605 г. / Подгот. Н. В. Мятлевым // ИРГО. СПб., 1911. Вып. 4. С. 435–509.

²⁴ *Белокуров С.* Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 3 (222). С. 255.

реле того же года он был назначен воеводой Старой Руссы²⁵. Уже в начале августа 1611 г. вместе с жителями этого города Воин Новокшенов признал новую власть в Новгороде. С осени того же года он командовал отрядом новгородцев, подчиненных начальнику шведского гарнизона в селе Югостицы Дремяцкого погоста²⁶.

Осенью 1612 г. Воин Новокшенов вместе с Андреем Трусовым занимался сбором хлеба с погостов Водской и Шелонской пятин. Этот хлеб отвозили к шведским войскам, осаждавшим Ивангород. Крестьяне из поместий самого Воина Новокшенова хлеб в житницы привезли своевременно, уже к 11 ноября²⁷.

В марте 1613 г. Воин Новокшенов был включен в список дворян Водской пятины, которым в связи с войсковыми сборами указано «быть в подъезде». Однако подписи Воина Новокшенова нет среди лиц, подписавших приговоры об отправке посольств Никандра (25.12 1611 г.) и Киприана (27.7 1613 г.)²⁸.

Иван Борисович Секирин, также помещик Водской пятины, вместе со шведами участвовал в освобождении Новгородской земли от тушинцев в 1609 г., тогда же он вел переговоры с мятежным Ивангородом, призывая жителей признать власть Василия Шуйского. В июле 1613 г. Иван Борисович Секирин вместе с игуменом Дионисием и Петром Лутохиным «приложил руку» под приговором об отправке посольства арх. Киприана в Выборг²⁹.

Накануне отъезда в Москву дворяне Водской пятины поручились за Воина Афанасьевича Новокшенова и Ивана Борисовича Секирина, что они будут «править посольство по правде», твердо следовать наказу, не отъедут к изменникам: «...противо государя

²⁵ Роспись, сколько следует со Старой Русы посада и уезда денежных доходов на 120 год по сравнению с 119. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2: 362. Л. 1–10; См. также: Челобитная боярам и воеводам старорусского подьячего Григория Нечаева // RA, NOA. Serie 2: 359. Л. 57; Приходно-расходные книги государева винного погреба. 1611. 28.3–31.8 // RA, NOA. Serie 1: 60. С. 3–4.

²⁶ Кормовые книги немецким ратным людям. 1611, декабрь – 1612, январь // RA, NOA. Serie 1: 74. С. 20, 23; См. также: *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 726.

²⁷ Челобитная (отписка) Воина Новокшенова и Андрея Трусова о сборе хлеба с погостов Водской и Шелонской пятин. 1612, после 13 ноября // RA, NOA. Serie 2: 51. Л. 28.

²⁸ Роспись новгородского войска...; ДАИ. Т. 1, № 162. С. 283–285; ДАИ. Т. 2, № 4. С. 7–8.

²⁹ ДАИ. Т. 2, № 4. С. 7–8; См. также: *Кобзарева Е. И.* Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 339–381; Ср.: *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 374; Сведения о поместьях Воина Новокшенова и Ивана Секирина см.: Дозорные книги Водской пятины Корельской половины кн. Ивана Семеновича Путятина да подьячего Федора Прокофьева. 1615, авг. // RA, NOA. Serie I: 8.

королевича Карла Филипа Карловича ехати Воцкие пятины дворяня Воин Афанасьев сын Новокщонов, Иван Борисов Секирин»³⁰.

К этим послам приставили дворянина **Елизария Корсакова**, помещика Обонежской пятины, который вместе с посольством арх. Никандра сопровождал принца из Стокгольма в Выборг. Елизарий Корсаков изначально *не входил* в состав посольства арх. Никандра, он приехал в Стокгольм позже. В декабре 1611 г. в числе 36 новгородских помещиков Е. Корсаков поставил свою подпись под приговором об отправке посольства арх. Никандра, а затем был послан в Устьрецкий стан недалеко от Боровичей. Здесь он в феврале 1612 г. едва не попал в плен к казакам и устюжанам, противникам новой власти в Новгороде. Видекинд называет Елизария Корсакова «именитым новгородским боярином», который 24 апреля 1612 г. выехал из Новгорода в Стокгольм с письмом от новгородцев к новому королю Густаву Адольфу. В Стокгольме Корсаков оставался целый год³¹.

Вместе с Дионисием и другими послами в Москву поехал также торговый человек Михаил Куколкин «для подлинного розказанья про приход в Выборг» Карла Филиппа. Если бы в Москве не поверили, что королевич уже находится в Выборге, то послам предписывалось предложить московским людям послать от себя в Выборг «кого пригоже». Дионисий и его спутники должны были целовать крест на том, что этому посланнику «задержанья в Выборге и в Новгороде не будет»³².

Послы во главе с игуменом Дионисием должны были сообщить московским боярам о прибытии Карла Филиппа в Выборг и требовать от них немедленной отправки к принцу полномочных московских послов, чтобы «учинить крепкий договор ... к совершению добре начатого дела касательно избрания его, королевича, всея России царем». Игумен Дионисий с товарищами также должны были просить московские власти отпустить домой Федора Боборыкина, который находился в Москве еще с января 1613 г. Федор Васильевич Боборыкин, участник посольства в Стокгольм арх. Никандра, в октябре 1612 г. получив от короля щедрые пожалования, выехал в Новгород с письмами короля к Делагарди и новгородцам. В конце декабря 1612 г., сразу после приезда в Новгород, Федор Бо-

³⁰ Грамота с рукоприкладством // RA, NOA. Serie 2: 47. Л. 60–60 об.

³¹ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 231; ДАИ. Т. 1. № 162. С. 283–285; Замятин Г. А. Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале XVII в.: Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века: Очерки политической и военной истории / Сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008. С. 68, 221. Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 452.

³² СГГД. Т. 2, № 284. С. 601–603.

Борыкин был отправлен в Москву к князю Д. М. Пожарскому с копиями писем короля и с грамотами к москвичам от Делагарди и новгородцев. Он был свидетелем избрания на московский престол Михаила Романова. О том, как проходили выборы нового царя, Федор Боборыкин написал в письме, которое привез в Новгород в июле 1613 г. его слуга³³.

Н. Н. Бантыш-Каменский кратко сообщал, что это посольство было задержано в Москве. Фактически Дионисия и его спутников задержали еще в августе 1613 г. в Торжке, где они находились долгое время. Г. В. Форстен приводит письмо из Новгорода шведским послам в Выборге от 17 сентября 1613 г., в котором Делагарди сообщал, что посольство Дионисия все еще находится в Торжке, послы «задержаны безо всякой видимой причины». Московский воевода в Торжке, князь М. В. Белосельский, ранее один из сторонников избрания Карла Филиппа русским царем, 27 августа 1613 г. отправил письмо в Новгород. Данное письмо воевода составлял совместно с местными церковными деятелями. Среди них – архимандрит Борисоглебского монастыря Иона, чья подпись имеется на Утвержденной грамоте об избрании Михаила Романова, а также игумен Корнелий. В письме «наместника Торжка» сообщалось, что «московские бояре не желают иметь ничего общего с Новгородом в деле избрания царя». По словам Делагарди, это письмо передал ему какой-то нищий, по-видимому, один из местных монахов. Делагарди был уверен, что «наместник Торжка» написал данное письмо по требованию московских бояр³⁴.

Сведения о задержке в Торжке посольства Дионисия и о нежелании москвичей вести переговоры с Карлом Филиппом послы в Выборге получили уже 25 сентября вместе с письмом Делагарди от 17 сентября. Из данных документов не видно, какова дальнейшая судьба этого новгородского посольства.

О посольстве Дионисия писал в январе 1614 г. арх. Киприан, находясь еще в Выборге. Он жаловался новгородским властям, что ему ничего не сообщают о данном посольстве, о судьбе самого Дионисия и его товарищей. В отписке в Новгород арх. Киприан заявлял: «...а что вы от себя из Великого Новагорода послали к Мо-

³³ СГГД. Т. 2, № 284. С. 601–603; О Федоре Боборыкине см.: *Замятин Г. А.* Из истории борьбы... С. 178–181; Приложение к листу Делагарди от 3 августа 1613 г. // Сб. НОЛД. Вып. 5, № 6. С. 22–24.

³⁴ *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время. С. 197; См. также: Отписка архимандрита Ионы, игумена Корнелия, других представителей духовенства Торжка, князя М. В. Белосельского воеводе И. Н. Одоевскому от 27 августа 1613 г. Перевод на нем. яз. // *RA. Muscovitica. V. 17.* 149 v. Данный документ использовала Е. И. Кобзарева. См.: *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 275–278.

скве Отенского монастыря игумена Деонисья с товарищи, и что они к вам в Великий Новгород пишут, и какой у вас про них прямой ведом есть или нет, и вы к нам о том не пишете»³⁵.

Позднее, уже в 1615 г., когда тот же самый арх. Киприан был отправлен в Москву во главе нового посольства, новгородцы говорили московским боярам, что их посланников москвичи посадили в тюрьму и при этом не дали никакого ответа: «...в заключение засадили и иных порознь в бедность сослали и отповеди против наших грамот не учинили...». Московские бояре в своей грамоте в Новгород в 1615 г. отвечали новгородцам, что теперь в Москве истинный царь Михаил Федорович, а послы, которых отправляли ранее в Москву, «игумен богомолец и дворяне холопи», – это слуги царя Михаила, которые и сами не захотели возвращаться в Новгород. По словам московских бояр, царь не велел этим послам «никакие опалы чинить» по своему человеколюбию, хотя игумен и его товарищи заслужили «заточения и всякие государевы опалы». Вина новгородцев заключалась в том, что они, зная об избрании Михаила Романа, все же «прислали тех людей к нам к бояром о том же безделье, о чем присылали вы без государя, чего не токмо делати, и говорити и слушати не годитца». Грамоту новгородцев в Москву 1615 г. и ответную грамоту московских бояр в Новгород обнаружил в 1912 г. Г. А. Замятин в Московском архиве МИД (в настоящее время – РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615. № 2). Полностью опубликовал грамоту новгородцев в Москву В. А. Фигаровский в 1937 г.³⁶

В этом документе лишь время, цель приезда да зачеркнутые слова «игумен богомолец и дворяне холопи» позволяют догадываться, что речь идет об игумене Дионисии с товарищами. Г. А. Замятин считал, что это посольство успеха не имело; об отправке послов от Московского государства в Выборг не могло быть и речи. Это обстоятельство поставило новгородцев в Выборге во главе с Киприаном в невыгодное положение перед Карлом Филиппом³⁷.

Дионисий и его спутники в Торжке, а позднее в Москве рассказали об обстоятельствах захвата Новгорода шведами в июле 1611 г., о безвыходном положении города. По мнению Е. И. Кобзаревой, из Торжка в Москву были переданы сведения о желании новгородцев избавиться от власти шведов и вернуться в состав Московского государства: «Можно предположить, что под влиянием

³⁵ См.: Отписка архимандрита Киприана. 1614, января 12 // ДАИ. Т. 2, № 11. С. 25.

³⁶ Грамота новгородского митрополита Исидора и боярина Одоевского / Публ. В. А. Фигаровский // НИС. Л., 1937. Вып. 2. С. 73–82.

³⁷ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 101–102.

полученной информации к Новгороду были посланы для приведения новгородцев к присяге войска во главе с кн. Д. Т. Трубецким»³⁸.

Так был установлен первый контакт Новгорода с центром, с новым правительством Михаила Романова.

В заключение стоит привести цитату из расспросных речей Никиты Калитина, который вместе с другими членами посольства арх. Никандра при возвращении из Выборга в Новгород был захвачен в плен псковичами, но через три месяца сумел бежать. Находясь в Пскове, он узнал много нового о судьбе посольства Дионисия. Никита Калитин сообщил Якову Делагарди в Новгороде, что Дионисия и его спутников «Великий князь сначала посадил под стражу на 6 недель, потом выпустил, после того, как они должны были дать подарки дьякам (канцлерам) Сыдавному Васильеву и Петру Третьякову, которые теперь главным образом правят в Москве». Комментарий издания Михаил Валерианович Муравьев решил, что здесь речь идет о посольстве арх. Киприана, Якова Боборыкина и Матвея Муравьева в 1615 г., и привел подробные сведения об участниках этого посольства³⁹.

В дальнейшем новгородские власти вплоть до весны 1615 г. не считали участников посольства Дионисия изменниками, их поместья не были конфискованы. По-видимому, их стали считать изменниками лишь после возвращения из Москвы весной 1615 г. посольства Киприана, когда стала известна дальнейшая судьба некоторых участников посольства Дионисия. А. А. Селин приводит сведения о неудачной попытке конфискации имущества изменника «Ивана Борисова сына Секирина», который «оказался на стороне политических противников новгородских властей». Петр Ногин и подьячий Василий Ушаков, отправленные для обыска в Тигодский и Солецкий погосты и в Кривинскую волость (Водская пятина), узнали от дворовых людей и крестьян Ивана Секирина, что лошадей, коров и овец, «и казну серебряную и жемчужную и денги взяли воровские и невсякую животину и платье взяли воровские и немецкие люди в лесе при Иванове жене при Огафье». Указания об обмолоте ржи Ивана Секирина, находящейся в скирдах, и о выдаче этого хлеба немецким ратным людям, губные старосты получили в апреле-мае 1615 г.⁴⁰

³⁸ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода... С. 279.

³⁹ Расспросные речи Никиты Калитина. 1614, февраля 12 // Сб. НОЛД. Вып. 5, № 9. С. 28.

⁴⁰ Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 669; Роспись обысков Петра Ногина и подьячего Василия Ушакова о животе Ивана Секирина в Тигодском и Солецком погостах и в Кривинской волости // RA, NOA. Serie 2: 160. Л. 1–10, 11 об.–19 об.; Розыск о животе Ивана Борисова с. Секирина в Ильинском Тигодском погосте. 1615, авг. // RA, NOA. Serie 2: 141. Л. 1–17.

В 1615 г. за Воином Новокщеновым числились его поместья, хотя его жена Арина жаловалась властям, что крестьяне ее не слушают, оброк не дают: «А стояти за меня некому, государя моего Воина нет, послан к Москве». Арина Новокщенова просила, чтобы из ближайшего острога прислали воинских людей, «чтобы крестьянишка меня слушали, и пашню пахали, и ково я к ним пошлю, и людишок моих слушали». Новгородские власти пошли ей навстречу, приказали местному воеводе Ивнинского острога Ивану Баранову смирить крестьян⁴¹. Данный источник был опубликован еще Якубовым в 1890 г., его часто использовали советские исследователи как пример борьбы народных масс против шведских оккупантов и примкнувших к ним некоторых новгородских помещиков⁴².

Судьба большинства членов посольства арх. Дионисия хорошо известна. Их всех в 1614 г. отправили в Сибирь, но не в ссылку, а воеводами в отдаленные города: в Тюмень, Тару, Сургут, Томск, Мангазею. Это было в практике правительства Михаила Романова – отправлять бывших политических противников, сторонников польского королевича Владислава, воеводами в Сибирь. Сведения о пребывании в Сибири И. Секирина, Е. Корсакова, П. Лутохина и В. Новокщенова приведены в Книгах разрядных, Дворцовых разрядах, а также в труде А. Барсукова. В Книгах разрядных, опубликованных еще в 1853 г., записано под 1615 г.: «В Тюменском городе боярин и воеводы Матвей Михайлович Годунов, князь Федор Коркодинов, Федор Боборыкин. В Тарском городе воевода Кирило Семенов сын Вельяминов да Петр Лутохин. В Сургутском городе воевода Гаврило Вельяминов да Елизарей Корсаков. В Томском городе Гаврило Хрипунов да Иван Секирин. В Мангазейском городе Иван Биркин да Воин Новокщонов»⁴³.

На следующий год (1616) **Ивана Секирина** перевели из далекого Томска вторым воеводой в Тюмень, где он оставался помощником первого воеводы князя Федора Коркодинова и в 1617 г., а в Томск из Тюмени на его место отправили Федора Боборыкина. В 1618 г. в Тюмени уже находились новые воеводы – князь Никита Мезецкий и Иван Щелкалов. **Елизария Корсакова** мы видим в 1616 г. уже не в Сургуте, а значительно южнее – в Тарском городе вместе с прежними воеводами К. С. Вельяминовым и **Петром Лу-**

⁴¹ Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 374–375.

⁴² Якубов К. И. Русские рукописи Стокгольмского Государственного архива // ЧОИДР. 1890. Т. I (Приложения к описанию столбцов). № 6, 7. С. 28–29; Шунков В. Народная борьба против польских и шведских оккупантов в начале XVII в. // Исторический журнал. 1945. № 1–2. С. 5.

⁴³ Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 81.

тохиным. В Таре Елизарий Корсаков и Петр Лутохин продолжали службу и в 1617 г., а Елизарий Корсаков оставался в Тарском городе еще и в 1618 г. Только в 1619 г. на Таре остался один воевода – К. С. Вельяминов. Больше всех повезло **Воину Новокшенову** в «златокипящей Мангазее». Вместе с Иваном Биркиным он оставался здесь и в 1617 г. Таким образом, срок почетной ссылки для всех участников посольства Дионисия закончился в 1617–1618 гг. Только **Федор Боборыкин** оставался в далеком Томске еще и в 1619 г.⁴⁴

За эти три-четыре года, находясь на воеводском посту, Секирин, Корсаков, Лутохин и Новокшенов сумели достать для себя немало ценной пушнины. О самом архимандрите Дионисии сведений пока обнаружить не удалось.

После возвращения Воина Афанасьевича Новокшенова из Сибири мы видим его среди московских дворян в 1626 г.⁴⁵ На следующий год он был назначен воеводой в Гдов, сменив Ивана Аничкова. Из отписки царю Михаилу Федоровичу воеводы Гдова Воина Новокшенова мы узнаем о драматических и комических событиях, связанных со сменой воевод, когда новый воевода «Офанасий Иванов сын Загряжский» едва не убил старого, «Воинку Новокшеного», который после передачи дел долго не уезжал из города. Этот инцидент произошел в соборной церкви Дмитрия Солунского 20 октября 1629 г.⁴⁶

Петр Семенович Лутохин, сведения о дальнейшей судьбе которого приводят С. Б. Веселовский и А. А. Селин, после возвращения из Сибири был назначен в 1620 г. воеводой в Галич⁴⁷. Позже он стал новгородским дьяком, как и его отец, служил в Новгороде еще и в 1630-х гг. (вплоть до 1639 г.)⁴⁸.

А. А. Селин приводит сведения о дальнейшей судьбе Ивана Секирина и членов его семьи после Смуты. И. Б. Секирин умер по-

⁴⁴ Книги разрядные. Т. 1. Стб. 197, 407, 545, 663.

⁴⁵ Записные книги Московского стола 1626–1627 гг. // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 388, 424, 489.

⁴⁶ *Осокин П. Г.* Гдов. Л., 1981. С. 38–40: «...пришел я, государь, ... к вечерне помолиться, а тот Офанасий тут в церкви и учал меня, холопа твоего, лаяти и позорить всякою непотребною лаею, и браня, государь, холопа твоего, убил в церкви до полусмерти и церковь божию моюю кровию осквернил и меня от его, Офанасьева смертного убийства за мертва из церкви выволокли людишки мои...».

⁴⁷ Книги разрядные. Т. 1. Стб. 717. См. также: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII веков. М., 1975. С. 305. Ср.: *Селин А. А.* Новгородские судьбы Смутного времени. С. 57–58.

⁴⁸ Царская грамота Новгородскому воеводе князю Юрию Сулешову об отпуске денежной и хлебной руги Софийскому собору. 1638, ноября 29 // ААЭ. № 282. С. 425.

сле 1630 г., пережив свою жену и нескольких детей. В своей челобитной царю Михаилу Федоровичу он просил похоронить его пятилетнего сына Савву, умершего 21 декабря 1629 г., в Антониевом монастыре, где были погребены отец, жена, дядя и дети И. Секирина⁴⁹.

Думается, что даже такие скудные отрывочные сведения могут привлечь внимание всех интересующихся историей Смутного времени в России.

⁴⁹ Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 627.